

ФРИДРИХ
ХЕЕР

МИР

СРЕДНЕ
ВЕКОВЬЯ

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ: ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЗАВОЕВАНИЙ
И ВЫДАЮЩИХСЯ СВЕРШЕНИЙ

Фридрих Хеер

**Мир Средневековья. Рождение
Европы: эпоха великих завоеваний
и выдающихся свершений**

«Центрполиграф»

1962

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Хеер Ф.

Мир Средневековья. Рождение Европы: эпоха великих завоеваний и выдающихся свершений / Ф. Хеер — «Центрполиграф», 1962

ISBN 978-5-9524-5765-2

Выдающийся австрийский историк Ф. Хеер на страницах своей книги представляет захватывающую панораму жизни средневековой Европы — периода, который ошибочно называют Темными веками. Историк не обходит вниманием важнейшие события эпохи: ожесточенные войны, в ходе которых формировались границы национальных государств, Крестовые походы, противостояние Востока и Запада, однако его взгляд, зачастую провокационный, направлен на человека, повседневную и интеллектуальную жизнь средневекового общества. Автор рассказывает о тех глубоких переменах, которые происходили в XII—XIV вв. в области науки и изобразительного искусства, о появлении новых университетов, расцвете готической архитектуры, новой волне интереса к литературе, а также о положении женщин и отношениях между сословиями. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

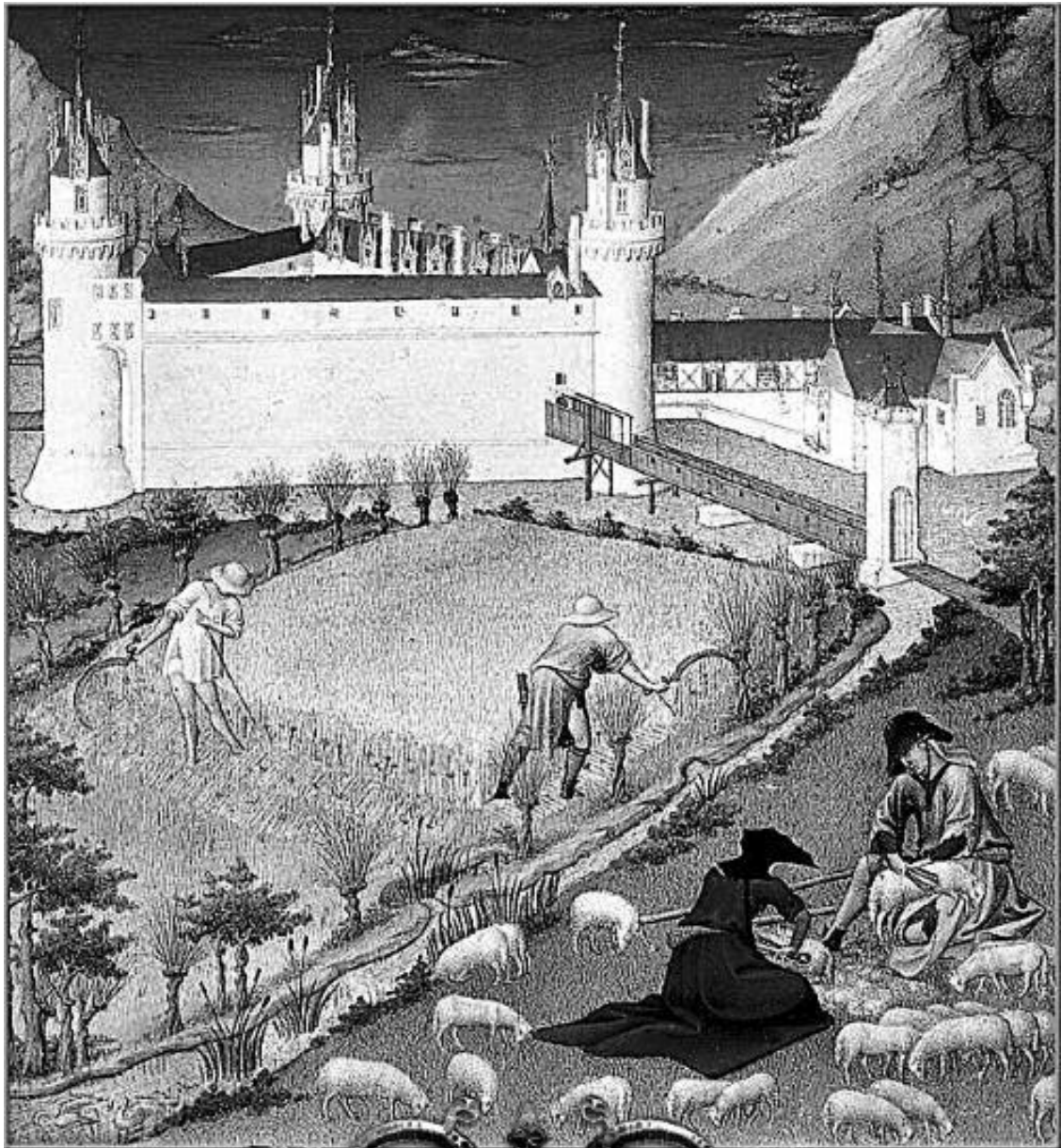
ISBN 978-5-9524-5765-2

© Хеер Ф., 1962
© Центрполиграф, 1962

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	9
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Фридрих Хеер
Мир Средневековья. Рождение
Европы: эпоха великих завоеваний
и выдающихся свершений

FRIEDRICH HEER
THE MEDIEVAL WORLD
EUROPE,
1100-1350

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Предисловие

Все, кто пишет о Европе в качестве стороннего наблюдателя, бывают наиболее объективны. Некий отстраненный взгляд возможен для англичан, которые со времен раннего Средневековья привыкли думать о своей стране как об *alter orbis*, мире в себе, отличном от континентальной Европы. Автор этого краткого обзора европейской цивилизации в период времени с 1100 по 1350 г. не имел подобного преимущества. Это книга, написанная европейцем, уроженцем Центральной Европы, в которой сохранилось многое из средневекового наследия, и это, возможно, мешало автору в работе.

Но еще более трудной задачей было описать важные исторические события иногда с помощью всего лишь одной-единственной фразы. Таким образом, многие проблемы и спорные вопросы в некоторых областях исторического знания остались вне рамок исследования. Жертвой чего стали не только известные исторические деятели, такие как Уильям Оккам, но и такие важные темы, как отличия в статусе крестьянства в различные периоды Средневековья. Пришлось опустить тривиальные на первый взгляд, но фактически имеющие большое значение подробности. Вследствие ограниченности места важные аспекты повествования подверглись сокращению. Портреты исторических деятелей были даны в общих чертах, при этом была предпринята попытка обрисовать их ярко и образно. Необходимо было также иметь в виду, что представления о подлинной жизни в Средние века, не говоря уже о гипотезах историков, полны противоречий.

Автор смеет надеяться, что эта небольшая книга, несмотря на все ее недостатки, побудит читателя заняться исследованием спорных вопросов цивилизации Средневековья, которые в книге преднамеренно представлены в провокационной форме. В сущности, это «открытая» книга; ее целью является подвести читателя к работам других писателей и ученых, которые по-разному освещают поднятые большие проблемы. Если читателя заинтересует история Средних веков, основная цель автора будет достигнута.

Глава 1

Европа в 1100–1350 гг

Современное европейское общество, как Западной, так и Восточной Европы, во многом продолжает опираться на свое средневековое наследие. История – это настоящее, и настоящее – это история. Если мы более внимательно посмотрим на кризисы и катастрофы, надежды и страхи нашего сегодняшнего дня, осознаем мы это или нет, но нас волнуют события, которые, прямо или опосредованно, имеют начало в высоком Средневековье.

В этот период в Европе произошли перемены, имевшие далекоидущие последствия. «Открытый» и бурно развивавшийся в XII в. континент к середине XIV столетия превратился в «закрытый». Сформировалась Европа со своими внутренними и внешними границами, в которой народы, государства и церкви уже вошли в бескомпромиссную и зачастую враждебную конфронтацию друг с другом. Такое положение сохранялось по крайней мере до середины XIX столетия и даже до XX в.

Границы Европы в XII–XIII вв., позднее ставшие барьерами, железным занавесом, разделившим ее на отдельные миры, были все еще открыты, даже изменчивы. Существовали открытые границы и на восточной оконечности Европы. Вплоть до монгольского нашествия и Четвертого крестового похода (1204) Русь ничто не отделяло от Запада; ее связывали с Западной Европой, и в частности с Германией, торговые и экономические отношения и аристократические браки. В XI–XII вв. международный торговый путь, шедший из Скандинавии в Византию, пролегал через Русь, через Великий Новгород. Великолепное произведение искусства XII в. – бронзовые Магдебургские врата Новгородского кафедрального собора Святой Софии, которые создал неизвестный немецкий мастер, являются свидетельством этих связей.

Русь, пока оставалась открытой, была мостом, перекинутым через европейские границы, в частности между Византией и Римом, между церквями Востока и Запада. Обособленность Рима от Византии имела столь же давнюю историю, как и противостояние католиков и православных греков. Эти церкви находились в конфронтации друг с другом, подобно тому как пророки Ветхого Завета сталкиваются лицом к лицу с апостолами Нового Завета на фасадах средневековых соборов. Соперничество в церковных делах между Римом, столицей папства, и Константинополем, городом императора Константина, канонизированного православной церковью в лике равноапостольного, с начала VIII в. все более обострялось. Византия, то есть Восточная Римская империя, и ее православная церковь с крайней подозрительностью относились к недавно образовавшейся Франкской империи и той поддержке, что она получила от папства. Что обеспечивало баланс их интересов, так это задача обращения в христианство стран Восточной Европы. Та из сторон, которая сможет достичь успехов в этом деле, и будет оказывать решающее влияние на их политику, общественные взаимоотношения и культуру.

Несмотря на то что в XI в. произошло разделение вселенской церкви на Римско-католическую и Православную, «открытая» Европа XII в. все еще задавала тон дружественному сотрудничеству, о чем убедительно свидетельствует искусство Западной Европы. Окончательный разрыв между восточной Православной и Католической церквями наступил после Четвертого крестового похода. Сразу же началось противостояние Восточной и Западной Европы, продолжавшееся на протяжении последующих семи веков. Один только вид франкских воинов («варваров», «разбойников», «поджигателей войны», как их обычно называли), пошедших в поход в Святую землю во главе со своими князьями и епископами, вызывал проклятия у византийцев, людей высокой культуры, как клириков, так и мирян, и приводил их в отчаяние. Византийцам казалось, что у франков была одна цель – уничтожение величайших шедевров культуры и политической мысли общемирового значения. Они были врагами великой импе-

рии ромеев, этого замечательного многонационального государства, которому удавалось столь длительное время отражать многочисленные вражеские нашествия.

«Открытая» Европа XII и начала XIII столетия имела также границу с исламом, которая тоже была изменчивой. В Испании шла война; это означало, что две аристократические культуры находились в состоянии постоянной вражды. Но даже в такой обстановке продолжали существовать старые дружественные связи и завязывались новые. Браки заключались между представителями испанских христианских и исламских семей, и даже Сид Кампеадор, величайший испанский герой в войне с мусульманами, подвиги которого прославляются в национальном эпосе, большую часть жизни провел на службе исламских правителей.

Все это объясняет стремление к познанию богатой культуры ислама, которая неудержимо влекла к себе европейцев. В основе этой сокровищницы знаний лежало богатейшее наследие философской мысли Древней Греции, преумноженное многочисленными комментариями и толкованиями исламских ученых Ближнего Востока и Средиземноморья, учителями и наставниками обширной и процветавшей «империи знаний», которая протянулась от Персии и Самарканда, через Багдад и Салерно, вплоть до Толедо. Арабские (и еврейские) переводчики и комментаторы помогли познакомить Запад с философским и научным наследием Платона и Аристотеля, трудами их учеников и последователей. Не только в Испании, но также в Южной Франции, на Сицилии и в Южной Италии были люди, которые приветствовали эти контакты и поддерживали связи с миром ислама.

Поскольку в XII в. внешние границы Европы были открыты, естественно, внутри ее все общественные процессы развивались свободно. Это касалось как образования, которое было либеральным, так и народного благочестия, принимавшего различные формы; да и сама церковь продолжала сохранять открытость. Обучение наукам становилось все более фундаментальным. В школы, открывавшиеся при кафедральных соборах Франции и Германии, и в городские школы в Италии поступало все больше юных учеников, которые отличались пытливостью ума и новым, непредвзятым взглядом на мир. Культура, носителями которой они становились, имела много черт, унаследованных из языческой древности и от нехристианского Востока. Платоники, натурфилософы, поэты и теоретики *ars amandi* (искусства куртуазной любви) XII в. были предшественниками итальянского Возрождения XV–XVI вв. И когда в XVI–XVII вв. закладывались основы современного научного знания, ученые-естествоиспытатели и философы (Николай Кузанский, Лейбниц, Галилей, Исаак Ньютон, Бойль и Локк) постоянно оглядывались назад, заимствуя научный опыт «открытой» Европы XII – начала XIII в.

Явно предвзятое мнение – смотреть на все Средневековье как на темные века, которое основывается на банальном утверждении, что средневековый мыслитель был ограниченным человеком, находившимся под влиянием фанатичного духовенства, спеленутым в смиренную рубашку застывших религиозных догматов. Действительность дает нам совершенно иную картину. Понятно, что ни одно столетие Средневековья (как и наше время) не было полностью свободно от нетерпимости. Всегда существовали люди, не воспринимавшие неконформистские взгляды; люди с ограниченным кругозором, опасавшиеся всего нового. Однако для правильной оценки реальной действительности XII – начала XIII столетия и открывавшихся тогда перспектив необходимо понять, что и набожный простой народ, и духовная элита общества обоюдно были готовы принять, со всем присущим им здравым простодушием, истинную «католическую» веру. Только с приходом сторонников пуризма она была подвергнута анализу, когда были выделены ее отдельные компоненты и изолированы друг от друга и между ними была вырыта глубокая пропасть. Открытая религиозная вера раннего Средневековья была плодотворным смешением различных ее составляющих, заимствованных из дохристианских «языческих» народных верований и других религий, христианских по духу. Эта была религия народных масс, а также в некоторых случаях господствовавших классов и выдающихся исторических деятелей. Она успешно сосуществовала с открытой культурой в лоне такой же сво-

бодной церкви, проявляя себя в такой форме, которая позднее вызовет неприятие людей века Реформации и Контрреформации.

«Открытая» церковь «открытого» XII столетия признавала свободы, о которых не могли даже помыслить представители более поздних поколений. Это была «живая» церковь; это определение равным образом относилось и к ней самой, и к ее членам – оптимистичным, ярким личностям, уважавшим чужое мнение и способным договариваться. Таинства еще не подверглись строгому определению и не были сведены к семи, а месса не получила окончательного оформления. Многие положения веры еще не стали догматами; в XIII в. их продолжали обсуждать теологи, и лишь окончательно они были утверждены на Тридентском соборе в XVI столетии. Только в середине XII в. церковь стала пониматься как реальный субъект. Вплоть до этого времени люди мыслили в понятиях раннего христианства; ни один автор не писал теологических или религиозно-политических трактатов о церкви (слово «церковь» означало здание или Дом Бога) и не возникало никаких богословских споров. Отважный Абельяр заговорил о теологии в ее современном смысле. Это был его термин и его концепция европейской теологии. Слова «церковь» старались избегать из-за возникавшей при этом ассоциации с языческой Античностью; все осознавали реальные опасности, могущие возникнуть в случае принятия этого понятия. Господствовало убеждение, что попытки «понять» Бога, заключить Его в жесткие рамки теологии являлось некой разновидностью искушения. Богословские диспуты в этой ранней «открытой» Европе были перенесены в религиозные мистерии, которым были присущи благоговейное отношение к богословским вопросам, осознанное умолчание и Божественная любовь. Вера, как все сверхреальное, могла только переживаться и никогда не укладывалась в определения.

«Открытая» церковь изначальной Европы была живым союзом Небесного и Земного; материи и духа; жизни и смерти; тела и души; прошлого, настоящего и будущего. Действительность была цельной, не было пропасти между тварным миром и искупленным человечеством; все люди были одной крови – от первого человека до последнего, все были насельниками одной и той же земли, сквозь естественный, природный лик которой временами проступали «сверхестественные» черты. Служившие в этой «открытой» церкви епископы и рядовые священники обладали тем самым редким искусством *savoir vivre*, иначе говоря, умением жить полнокровной жизнью. Они были независимы во взаимоотношениях друг с другом, которые временами становились то дружественными, то неприязненными, но не враждебными. Рим был где-то там, далеко, и потому часто непосредственным духовным наставником человека становился местный епископ или аббат.

Государственные границы некоторых стран все еще оставались открытыми. Протяженная граница между Францией и Германией в Европе, источник повышенной напряженности в течение нескольких столетий, даже еще не была окончательно обозначена. Для владений крупных сеньоров была характерна чересполосица; многие магнаты получали фьефы и земельные поместья в дар, как от французского монарха, так и от германского императора. В Священной Римской империи Италия только начинала отстаивать свои государственные интересы после того, как создала независимую от империи церковную организацию в 1122 г. в результате заключения Вормского конкордата. Восточные границы Европы все еще не были определены. Немецкие колонисты и местная восточноевропейская аристократия (славянская, польская, прусская, литовская и венгерская) способствовала сближению Восточной Европы с Западной, которые стали на время единым целым. Тем не менее продолжилась экспансия на Восток в Прибалтийские земли; в начале XIII в. самыми западными точками ее проникновения стали города Рига, Ревель и Дерпт. Первыми, кто начал последовательно укреплять границы в целях обороны от уэльсцев и ирландцев, а впоследствии от шотландцев, были Плантагенеты, правители Англии. Но даже через эти границы люди могли свободно переходить в обоих направлениях, особенно

начиная с того времени, когда установились тесные родственные связи между аристократическими семьями с обеих сторон границы.

«Открытая» Европа имела также свою «открытую» аристократию, которая сформировалась к началу XII в. Господствующее положение норманнской аристократии, боковые ветви которой пустили корни во Франции, на Сицилии и в Англии, стало наглядным примером нарастающей тенденции формирования «закрытой касты», резко отделенной от подвластных ей крестьян и от свободных и несвободных горожан. В дальнейшем, в XII в., аристократия все больше превращалась в привилегированное сословие. Однако в XII–XIII вв. в Священной Римской империи социальные барьеры все еще не стали непреодолимыми. Свидетельства этого имеются в различных областях Европы, где дворяне, как правило, жили в поместьях, тесно соприкасаясь с крестьянами, в социальном отношении стоявшими ниже их. При этом дворянское сословие могло пополняться за счет представителей низших социальных слоев. Эволюция английского правящего класса со времен Норманнского завоевания обязана мудрой политике норманнов; первоначальная небольшая группа правителей смогла сохранить свою идентичность, хотя они и принимали в свои ряды способных и удачливых выходцев из местных низших классов, которые приобрели известность в церкви и государстве. В дальнейшем они получили пополнение со стороны богатых патрицианских семейств Лондона.

Существовала не только «открытая» аристократия, но также и «открытое» священство. В XII в. большинство клириков было открыто миру, своим людям и пастве. Имелось совсем незначительное число барьеров между членами общества, которые со временем только множились и в итоге окончательно разделили клириков и народ. Церковь начиная с XIII в. все больше превращалась в жреческое и бюрократическое учреждение, со схоластическим, по сути, учением. Однако в XII столетии даже высшее духовенство говорило на одном языке со своим народом, разделяло его веру и суеверия, тесно общалось с ним не только во время празднеств и торжеств, но и в повседневной жизни. Несмотря на то что правители церкви все больше перенимали обычаи аристократов, религиозная жизнь вошла в привычное русло после реформаторских движений XI – начала XII столетия. В это время возвысились люди из низших слоев общества и зачастую с темным прошлым, которые заняли самые высокие посты в церкви и государстве.

Но уже в конце XII столетия появилось еще пока неявное предчувствие грядущих перемен, которые в будущем прямиком приведут в «закрытую» Европу XIII–XIV вв. Все эти события, можно сказать, предзнаменуют Европу наших дней. Но прежде чем остановиться на этих трагических событиях, стоит обратить внимание на сохранившиеся до конца этого позднего периода ценности, выношенные в чреве еще той, первоначальной «открытой» Европы и дарованные ей миру. Речь идет о буйной чувственности Чосера и Шекспира, о широте мировоззренческих взглядов таких христианских гуманистов, как Томас Мор и его собрат Эразм Роттердамский. Можно даже говорить об особенном образе жизни, сложившемся благодаря удачному сочетанию как в жизни индивида, так и в жизни общества часто противоречивых и конфликтующих между собой факторов (что было особенно характерно для Англии, но не чуждо и континентальной Европе). Итак, описывая Европу XIII–XIV вв. как «закрытую», следует прежде всего понять, что называть ее так является неким упрощением. Этот «закрытый» континент в значительной степени еще сохранял «открытый» характер ранней Европы XII в.; именно конфликты XI–XII вв. подготовили почву для будущих разделов.

Здесь следует привести несколько широко известных фактов, чтобы проиллюстрировать растущую внутреннюю и внешнюю изоляцию Европы в 1200–1350 гг. Монгольское нашествие на века отрезало Россию от Европы; это разделение во многих аспектах продолжает существовать и поныне. Захват крестоносцами Константинополя и основание крестоносных государств на территории Византии неизбежно привело к обособлению Востока от Запада, разделу христианства на православную и римско-католическую сферы влияния. Существование в Испании

небольших арабо-мавританских государств и появление новой мусульманской силы – турок, угрожавших Балканам и Средиземноморью, имело своим следствием установление непреодолимых границ между европейским христианством и исламом. Три могучие и взаимовлияющие культуры, представлявшие западный мир христианства, Византию и ислам, все больше и больше отдалялись друг от друга. И это несмотря на тот факт, что первоначально они имели много общего и поддерживали между собой разнообразные связи в начальный период Средневековья. Теперь все эти три образования вознамерились вернуться к тому состоянию, которое принято считать типично «средневековым», – они превратились в закрытые сообщества, создав свои отдельные миры.

Этой растущей внешней изоляции сопутствовали происходившие в европейском обществе процессы резкого размежевания основных общественных институтов. Две крупнейшие мировые силы раннего Средневековья – папство и Священная Римская империя, став соперниками, открыто обличали друг друга. Папству удалось сломить империю, но оно не устояло перед французской монархией, своим бывшим самым верным союзником. Образовавшиеся в позднем Средневековье национальные государства держали свои церкви и епископат на коротком поводке; эти церкви стали прототипом церквей, за создание которых выступал швейцарский врач и богослов Томас Эрастус.

Возникновение национального государства – необычайно сложный феномен. Обращает на себя внимание прежде всего его религиозно-политический аспект. Виклиф и Гус стоят на самой границе рассматриваемого нами периода. Религиозный переворот был неразрывно связан с расцветом национальных языков и национальных литератур. Люди искали и обретали внутреннюю силу в родном языке. Только в национальном языке можно было найти адекватные слова для описания холмов и долин, родного для сердца и ума пейзажа, создать песни, в которых выражались человеческие надежды и страхи и, не в последнюю очередь, звучал боевой клич.

Латынь, язык церкви и имевших духовное образование ученых людей, теперь перестала быть универсальным языком Европы. Она осталась языком университетов и правящей элиты церкви и государства; и она сохранилась в некоторых областях Германии и Восточной Европы вплоть до XVIII и даже XIX в. (латынью венгерские чиновники пользовались до 1848 г.).

Два наиболее могущественных сословия, аристократия и духовенство, обособились от народа и стали закрытыми сообществами; то же произошло с интеллектуалами, ревниво относившимися к своему университетскому образованию и привилегиям. Эти три социальные группы превратились в отдельные сообщества в пределах нации. Да и сами нации постепенно приходили к осознанию своей идентичности, большей частью вследствие их совместного участия в крестовых походах. Антисемитизм позднего Средневековья был частью той же самой тенденции: евреи были изгнаны из Англии в 1290 г., и ее примеру последовали другие нации. Высшее образование становилось все более профессиональным, и его получали лишь немногие. Обюрократившаяся церковь, стоявшая за инквизицией, руководствовавшаяся каноническим правом и стремившаяся к пересмотру богословских положений, все более отдалялась от мирян и простого народа. Клерикализм в церкви проявлялся все более открыто. Этот процесс ускорился, когда на рубеже 1200 г. вся Юго-Западная Европа и западные и южные области Германии были охвачены «ересью». В некоторых местах это привело к образованию оппозиционной церкви. Ответом церкви было создание внушительного административного аппарата, учреждение новых религиозных орденов (вскоре начавших соперничество друг с другом), выработка более строгих положений теологии и непосредственное вмешательство во внешние и внутренние дела государств.

Важно представить себе силу этого первоначального удара, потрясшего основы существующего порядка, что привело к распаду единой Европы в XIII в., когда унификация пришла на смену разнообразию. Неожиданно появилось понимание того, что христианство, бывшее

единым целым, внезапно оказалось подточено изнутри различными сектами, взгляды которых на религию, окружающий человека мир, а зачастую и на политику кардинально расходились со взглядами церкви и ее приверженцев. Это новое понимание запустило цепную реакцию. Были организованы крестовые походы против еретиков теперь уже в отдельных европейских странах, создана инквизиция, введена церковная и государственная цензура – вероисповедание каждого человека и свободная мысль подлежали контролю.

В позднем Средневековье, когда человек, можно сказать, жил в состоянии постоянного стресса, присущая «открытой» Европе терпимость, зачастую распространявшаяся и на людей чужой расы, вероисповедания и иного образа мыслей, была вытеснена предвзятым отношением и ксенофобией, которая все более возрастала с каждым новым приступом страха. После еретиков пришла очередь турок. Они обрушились на Европу почти одновременно с гуситами, армии которых прошли через всю Центральную Европу. Жанна д'Арк, Орлеанская дева, намеревалась противостоять им; однако в глазах ее французских и английских врагов Жанна была сама еретичкой, родственной душой для гуситов.

Внезапные и губительные вспышки эпидемий, известных в Средние века под общим названием «морская язва» или «чума», приводили к тому, что у людей усиливалось ощущение всеобщего распада, особенно к концу Средневековья. «Черная смерть» (около 1350 г.), в результате которой обезлюдели большие территории континента, привела к резкому сокращению населения европейских стран в период позднего Средневековья. В XII – начале XIII столетия внутренняя и внешняя экспансия сопровождалась резким ростом населения. Как только население в Европе сократилось, ее экономика начала стагнировать.

Экономический застой, ставший потрясением для христианского мира, национальные противоречия, чувство сословного превосходства и исключительности – все эти факторы нашли отражение в интеллектуальной и духовной жизни того времени. Это был период триумфального появления номинализма в университетах и теологии; это была победа тех, кто проводил резкую грань между верой и знанием, духом и материей, Богом и человеком и между естественным и сверхъестественным; эта философия, как и мистицизм, была выражением сомнений и отчаяния, которые были присущи той эпохе. И номинализм, и мистицизм были попыткой создать внутри себя отдельные царства ума и души, в то время как вовне народы Европы оказались в состоянии перманентной гражданской войны.

«Закрытая» Европа позднего Средневековья стала сценой, на которой были разыграны две грандиозные эпопеи, каждая из которых много значила для будущего Европы. Именно в этот период Англия и Франция, возрастая бок о бок, достигли поры зрелости. Они сражались между собой за Анжуйскую империю, жили в согласии на протяжении многих лет мира в XIII в., снова воевали в течение еще более долгих лет в XIV и XV столетиях; они совместно заложили основание того, что называется Западом. Запад, как отдельное целое, отличается только ему присущими идеалами гуманизма, имеет свои понятия о политическом и социальном порядке, о том, что есть религия. Контакты между Британскими островами и Францией в XII–XV вв., не всегда дружественные, будь то в области политики, религии и общественных связей, привели к созданию союза, который позднее, после присоединения к нему Нидерландов и Северной Америки, вышел за рамки Европы и стал Атлантическим сообществом, моделью «свободного мира».

Пока Запад создавался на побережье Атлантики, в сердце континента разворачивался другой процесс. С упадком Священной Римской империи Германия начала проводить политику экспансии в восточном направлении. В продвижении на восток участвовали солдаты, миссионеры и поселенцы. С этого момента Восточная Европа находилась под постоянным давлением Запада, внимательно наблюдая за всеми действиями со стороны Германии. Это касалось городов, которые были немецкими анклавами на территории иных народов, крестьян-фермеров, аристократов и высшего духовенства. Княжество Бранденбург-Пруссия и герцогство

Австрия под господством Габсбургов, появившиеся на руинах Священной Римской империи в восточных ее областях, боролись с XVII по XX столетие за гегемонию в немецкоговорящих землях. Эти два государства первыми проросли на континентальной почве в XIII–XIV вв. Эта «закрытая» Европа имела, таким образом, свой собственный «Восток» и свой собственный «Запад»; это разделение вызвало серьезную внутреннюю напряженность и привело к раздорам, что могло привести, и в итоге привело, к конфликтной ситуации по линии Восток – Запад, то есть к конфликтам в самой Европе. Под влиянием имевшего места кризиса западники были готовы видеть в ближайших восточных соседях воплощение «коварного Востока». Это был взгляд французов на немцев, взгляд немцев на поляков, взгляд поляков на русских, универсальный взгляд монголов, появившихся в начале XIII в., а позднее и турок.

«Закрытая» Европа XIII–XIV вв. представляла собой фактически пороховую бочку; все политические, социальные, интеллектуальные и религиозные вопросы, которые всегда были значимы в европейской истории, уже в основном сформировались. Во всей современной истории Европы, вплоть до начала Второй мировой войны, не было ни одного кризиса, ни одной войны, ни одной катастрофы, ни одного бедствия, которое не имело бы в некотором смысле своего прообраза в происходивших в этот период в средневековой Европе событиях. Это и конфликт между папством и империей, и возникновение «Востока» и «Запада» в границах самой Европы, и образование национальных государств и особых социальных групп в самих нациях.

Однако есть много такого, что привлекает к себе внимание и вызывает восхищение даже в столь внешне непривлекательной Европе. Здесь сформировалось свое искусство и культура, сложились политические институты, которые и в наше время лежат в основе свободных сообществ свободных людей. Готические соборы неразрывно связаны с начальным периодом борьбы французских королей за свое существование в той крайне малой части Франции, которая у них оставалась и которую они могли назвать своей. Точно так же европейский интеллектуализм, университеты, гуманитарное школьное образование были неразрывно связаны с постоянным соперничеством пап, королей, епископов, белого и черного духовенства; с ожесточенными спорами, считать ли великих учителей древности, исламского и нехристианского миров, своими союзниками или врагами в совместной борьбе против еретиков и неправовверных. Конфликты были питательной почвой для новых идей. В огне сгорали осужденные на смерть на костре, но существовал и иной, невещественный внутренний огонь, плававший в душе тех, кто в мирной обстановке вел научный диспут.

Культура этой эпохи была также культурой чувств; придворное общество полагало предел страстям и учило искусству любви и утонченных манер. Правила поведения, существовавшие в XVIII–XIX вв., – в Англии это было время джентльменов, во Франции – аббатов и салонов, в Германии – век Просвещения, сентиментализма и молодого Гёте – сложились под влиянием куртуазности, Прованса и испано-арабской цивилизации, которые были сметены в результате нашествия с севера, уничтожившего альбигойцев и их культуру.

Лишь спустя значительное время после эпохи Шекспира и первых романов в прозе европейские авторы вновь обратили внимание на сохранившееся богатейшее собрание сказаний, народных легенд, романсов и «романтических» сюжетов, созданных в XII–XIII вв. на утешу почтенной публике, жаждавшей новизны. Средневековое искусство и цивилизация достигли одной из вершин в творчестве Данте, произведения которого отражают все религиозные и политические устремления мира Средневековья. Данте создал «Божественную комедию», наделив своими чувствами – скорбью, гневом, печалью и восторгом своих персонажей, которые во время странствий посещают Рай и Ад. Этот шедевр Средневековья появился, когда он находился в изгнании и ему было запрещено до конца своих дней возвращаться в родную Флоренцию. Никто не был способен ненавидеть так, как Данте, но, несмотря на это, он продолжает оставаться одним из самых благороднейших певцов любви, земной и небесной.

В эпоху Средневековья не было ни одного года, который не был бы отмечен войной, гражданским конфликтом или междоусобной распрей. Но на этой поистине вулканической почве смогла произрасти лоза, подарившая нам вино готики; на ней процвели лавры поэзии, и на ней же укоренился мирт мистицизма. Немецкий мистицизм берет свое начало в распадающейся империи, когда светские князья постоянно пререкались с князьями церкви о том, кому должна достаться большая часть военных трофеев, в то время как мужчин, женщин и детей сжигали на кострах как еретиков в Страсбурге и Кёльне. Мастер Экхарт, Таул ер, Сузо и их сестры и братья по вере обращались к чувственному и рациональному началу в душе человека, и их проповедь была успешна и приносила плоды. Их учение подготовило почву для становления неоплатонизма в Англии XVI–XVII вв.

Римо-католицизм, остро реагируя на все новые вызовы, предпочел придерживаться законченного догматического мышления и сохранять в неизменности свои институты, время от времени ревизуя и совершенствуя их в связи с потребностями и амбициями папства в последующие столетия. И эта тщательно выстроенная величественная система власти и доминирования стала предметом критики со стороны университетских преподавателей и студентов, монашества. Это был эмоциональный и интеллектуальный протест. Уже не раз было сказано, что Реформация зародилась в этот период Средневековья. Налицо все ее составляющие: страстная критика духовенства и Рима; приступы религиозного безумия, поражающие народные массы и мистицизм. Монархические и гражданские правительства приступают к реформированию своих «собственных» церквей, присваивая себе самые широкие полномочия, что предвосхищает их абсолютную власть, которую они обретут во времена Реформации. Более того, в самой церкви образовалась глубокая пропасть между епископатом и рядовым духовенством. К низшему клиру относились деревенские священники, фактически крепостные, жившие вместе со своей сельской паствой в нищете и невежестве, и клирики-пролетарии в городах, не имевшие прихода, которые зарабатывали себе на жизнь, служа мессы для обеспеченных священников и бродячих монахов. Другую часть клира составляло высшее духовенство, которое осознавало свое превосходство и понимало, что оно не равня этим священникам-голодранцам. Ведь они обладали связями с аристократами и, что было не менее важным, имели университетское образование. Лютеранство, кальвинизм, Англиканская церковь, неконформистские протестантские секты Европы и Америки провели свое детство в средневековой колыбели.

Общественные институты и законы, которые лежат в основе нашей юридической и политической систем, также имеют свое начало в позднем Средневековье. «Беззаконие бродит по нашим путям». Этими словами Вальтер фон дер Фогельвейде, величайший немецкий поэт-миннезингер Средних веков, подытоживает свой горький опыт. С полной уверенностью можно утверждать, что так обычно думали все простые люди Средневековья. Закон нарушался каждый день, на него покушались магнаты, большие и малые. Все, кто только мог. Столь вопиющее беззаконие было трудно переносить, и это рождало уникальную в мировой истории веру в необходимость закона. Средневековая приверженность праву заложена в основу всех общественных институтов и законов Европы. «Сам Бог есть закон», и люди призваны осознать это, обязаны хранить закон и бороться за него. Бароны, горожане, крестьяне и даже крепостные (их положение невозможно было сравнивать с положением рабов Античности) – все жили с глубоким убеждением, что у каждого есть свои права; все прилагали всевозможные усилия в деле поддержания закона в своем окружении, в своем городе, в своем доме.

Эта вера в закон требовала знаний законов. Каждому человеку требовалось разбираться в юридических вопросах в большей мере, чем это необходимо нам сегодня. В городе и на селе он каждодневно должен был отстаивать свои права. Эту веру в закон и в действенность судебного разбирательства олицетворяют суд присяжных, королевский суд и суд общей юрисдикции и английский парламент. Благодаря этой вере появились многие хартии свобод, такие как английская Великая хартия вольностей и подобные ей в Испании, Венгрии и Польше. В этих

хартиях монарх подтверждал права различных сословий и гарантировал их соблюдение. Завоеванные однажды гражданские свободы стали бесценным приобретением, залогом будущих демократических преобразований.

Закон был своего рода договором, который связывал обязательствами обе стороны: Бога и человека, короля и народ, короля и баронов, короля и сословия. Если правитель преступал закон, то народ имел право на восстание; оно даже вменялось ему в обязанность. Это естественное право средневековой Европы стоит за каждым актом сопротивления «тиранам», когда бы и где бы они ни пытались ввести тоталитарное и абсолютистское правление. Даже в Конституции Соединенных Штатов Америки имеются отголоски юридической практики Средних веков.

Глава 2

Аристократия и крестьянство

Средневековая Европа – это царство множества замков. Только в Германии их насчитывалось более 10 тысяч, большинство из которых не сохранились до нашего времени, и от них остались одни руины. Однако любой путешественник обнаружит на большом пространстве от Испании до Двина и от Калабрии до Уэльса множество разбросанных тут и там замков. Эти бывшие твердыни европейской родовой аристократии все еще можно увидеть в пустынной малонаселенной местности, вдалеке от дорог и городов, где кочуют одинокие пастухи со своими стадами да кружат высоко в небе над зубчатыми стенами орлы.

Влияние аристократии на общественный строй и церковь, на господствовавшие в обществе взгляды и настроения ощущалось еще долгое время спустя после Французской революции. На протяжении длительного времени духовенство, буржуазия и «простой народ» Европы перенимали ее многие характерные черты. Правила поведения аристократии стали для них нормой, образцом и идеалом. Общество восприняло ее моральные ценности наряду с ее традициями. И все же аристократия стала объектом резкой критики и нападок; начиная с XIII в. ее военная и политическая роль была поставлена под сомнение. Тем не менее ее оппоненты продолжали оставаться ее основными подражателями. Вельможи, которые стали епископами или основали новые духовно-рыцарские ордены, помогли глубоко внедрить аристократические принципы и формы управления в организационные структуры и духовную жизнь церкви. В XII–XIII вв. разбогатевшая городская буржуазия приходила во власть в качестве слуг и ставленников монарха. Городской патрициат был настроен критически по отношению к аристократии и враждебен ей. И все-таки он подражал в поведении аристократам, пытался получить доступ в их закрытые сообщества и обрести подобный им статус. Даже безоружные крестьяне, которые обычно в большей степени страдали от своеволия аристократии, долгое время продолжали оставаться лояльными своим сеньорам, они выражали свою покорность со смешанным чувством любви и страха, *amor et timor*, что было столь характерно для средневековых отношений между сеньором и слугами, между Богом и человеком.

Замки и крепости аристократии напоминают нам о ее реальной силе и власти. На протяжении многих веков, отмеченных постоянными войнами, когда простой люд остро ощущал свою незащищенность и отовсюду ему грозили беды, укрепленное поместье сеньора обеспечивало защиту и безопасность всем, кто укрывался в нем. Начиная с IX и вплоть до XI в., если не позже, Европа была во многом слишком «открытой». Набеги совершались обычно со стороны моря – чаще всего это были викинги. У викингов были быстроходные, маневренные драккары с вырезанной из дерева головой дракона на носу судна. На каждом было шестнадцать пар гребцов, всего на судне могло разместиться до 60 человек. Были такие времена, когда Британские острова и побережье Франции каждый год страдали от набегов викингов, а в сердце континента венгры противостояли другой опасности – набегам сарацин. Вблизи Сент-Морица в Швейцарии расположена коммуна Понтрезина, латинское название которой *Pons Saracenorum*, что означает «укрепленный сарацинский мост». Это является напоминанием о бурном X столетии. Именно в этом месте были остановлены отряды захватчиков, пришедших из Средиземноморья.

В теории признавалось, что церковь и монархия были основными центрами власти, и, естественно, их обязанностью было поддерживать мир, и обеспечивать безопасность, и осуществлять правосудие. Но в эту эпоху они были слишком слабы и их терзали внутренние конфликты, и потому они не могли выполнять свои обязанности. Власть постепенно переходила в руки рыцарства, которому монархия передавала свои полномочия, а церковь – земли и право

суда. Взамен они обязывались поддерживать своих сюзеренов и защищать безоружное крестьянство.

Однако первейшей их задачей было защитить себя. Нам трудно представить, насколько примитивными были большинство этих «замков» периода раннего Средневековья. Приблизительно до 1150 г. поместья англо-нормандской аристократии были обыкновенными жилыми строениями; они имели двор, обнесенный деревянным частоколом, внутри которого или рядом с ним находился насыпной холм, на вершине которого возвышалась деревянная башня, называемая донжоном. Это был особый тип замка, называвшийся *mott и бейли* (англ. *Mott-and-bailey*; рус. название *курганно-палисадный замок*). В случае необходимости для защиты холма и двора выкапывали ров, заполненный водой. В более позднее время донжон возводили из камня, особенно в тех местностях, где его добывали, и тогда он становился неприступной крепостью. Каменные замки французской и немецкой аристократии обычно имели одно общее жилое помещение.

В таких стесненных условиях с минимальными удобствами не существовало возможности для устройства полноценной личной жизни. Нетрудно понять, почему нравы поместной аристократии были столь грубы, жестоки и разнузданны, даже в более позднее «рыцарское и благородное» время. Повседневная жизнь баронов не была отмечена событиями; войны и охота (что было не чем иным, как репетицией войны) перемежались пирами и турнирами. Будущие воины начинали обучение военному искусству в возрасте 7–8 лет, а в отдельных случаях и в 15 лет, которое продолжалось до тех пор, пока им не исполнялся 21 год. Крестьяне, связанные с сеньором множеством уз, могли обеспечивать себе и ему только скудное пропитание; это было все, на что было способно слаборазвитое сельское хозяйство раннего Средневековья. Необходимой потребностью была охота, которая давала возможность хотя бы частично восполнить нехватку продовольствия. В Англии и Германии в XI–XII вв. даже короли были вынуждены переезжать из одного королевского поместья в другое, из одной епископской резиденции в другую, чтобы прокормить себя и свою свиту.

В войске начиная с X в. были уже не только пехотинцы; появилась потребность в кавалерии, чтобы сражаться с армиями опытных конных воинов – венгров и сарацин, а вскоре и с норманнами. Эти кавалерийские сражения не имели никакого тактического плана; конные воины устремлялись навстречу друг другу *en mass* (скопом), а затем исход сражения решали одиночные поединки. Обучение благородным манерам дало результат, и в XII–XIII вв. противника часто брали в плен, а не убивали на месте. Победитель, взявший пленного, получал ценные трофеи – его боевого коня, оружие и доспехи, а вскоре и деньги за выкуп. Но пленных низкого социального положения, из другого народа и иной веры продолжали убивать или же казнили через повешение.

В Европе с давних пор в сословии аристократов выделялись *Herren* и *Ritter* в Германии, *barons* и *chevaliers* во Франции, *barons* и *knights* в Англии, *grandes* и *hidalgos* в Испании, *magnates* и *ur* в Венгрии. Естественно, в разные времена и в разных странах были и иные деления. К 1100 г. произошло окончательное становление французской аристократии, ставшей закрытым классом общества, не принимавшим чужаков. В это же время англо-норманнскую аристократию Англии в основном представляли бедные, безземельные авантюристы, жившие за счет своего сеньора. Очень медленно шло становление класса землевладельцев; норманнская знать вытесняла старую англосаксонскую аристократию, которая в большинстве своем эмигрировала либо была изгнана. В Германии начиная с XI в. несвободные *министерялы* становились слугами короля и занимали административные посты в империи, а в XII в. их ряды уже стало пополнять все большее число свободных вассалов, получая возможность быстро продвинуться по службе, особенно в итальянских землях империи.

Вассалом (слово кельтского происхождения) называли во франкский период рыцаря на службе сеньора. Он был свободным человеком, который отдавал себя под покровительство

более богатого и могущественного сеньора, входил в состав его «двора» и начинал жить по его законам. Вассал был обязан поддерживать сеньора во всех его делах, многочисленных судебных исках и в спорных вопросах с людьми его круга и другими вассалами. Если непосредственным его сеньором был сам король, вассалу вменялось в обязанность давать ему советы в вопросах внутренней и внешней политики. Короли Средневековья, даже величайшие из них, как бы своенравны они ни были по натуре, зачастую внимательно прислушивались к советам своих преданных вассалов. Также вассал нес воинскую повинность, а во Франции он оказывал своему сеньору также и денежную помощь в четырех случаях: при посвящении в рыцари старшего сына своего сюзерена, при устройстве свадебных торжеств старшей дочери сюзерена, при выкупе самого сюзерена из плена и его снаряжении в крестовый поход. Военная служба проходила только в домене сеньора. Участие в крестовом походе представляло собой исключение. Имперские вассалы исполняли свою рыцарскую службу, когда их сюзерен и король отправлялся в Рим на свою императорскую коронацию.

Торжественная церемония оммажа (дань уважения), подтверждавшая заключение договора между сеньором и вассалом, проходила следующим образом. Вассал, безоружный, опускался на одно колено и с непокрытой головой вкладывал свои ладони в руки сюзерена и обещал быть его человеком. Образовавшаяся таким образом связь была взаимной. Этот средневековый обряд имел фундаментальное, концептуальное значение, особенно в Западной и Центральной Европе. Гленвилл, один из первых великих английских юристов Средневековья, высказался достаточно ясно, что вассал обязан своему сеньору не больше, чем сеньор обязан своему вассалу, односторонние обязанности исключены. Если сеньор нарушал свою клятву, вассал уже не был обязан служить ему. Это было кардинальное событие в череде происходивших перемен в области политики, общественной жизни и юриспруденции. Идея о праве на восстание уже была заложена в этом взаимообязывающем договоре между правителем и его подчиненным, между высшим классом и низшим. Об этой идее часто вспоминали во время гражданских войн, когда один оммаж противоречил другому; так, вассал, владевший феодами у нескольких сеньоров, был вынужден выбирать, на чьей стороне ему участвовать в сражении, какого сеньора поддерживать. Идея о совместных обязательствах проникла и в сферу религии. Бог и его святые давали обещание быть вместе с верующими и защищать их; но Господь мог разорвать договор и оставить человека, вассала, в конфликтной ситуации со смятенной душой, ввергая его в тяжелейший духовный кризис, какой был только возможен в мире Средневековья. Кризис, который мог привести к полному разрыву с Богом, к отказу от послушания. Эта тема присутствует в известнейшем средневековом немецком романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль».

Вассал за свою службу получал в дар земельное владение – фьеф (бенефиций). Чем более богатым и могущественным был даритель, тем большим могла быть площадь бенефиция. В эпоху раннего Средневековья во Франции и Германии, когда распалась империя Карла Великого, фьефы могли быть столь большими, что становились основой для будущих королевств. С другой стороны, фьеф мог быть настолько малым, что вассал и его семья были не в состоянии с него прокормиться.

Войны, в том числе гражданские, непрерывные распри и мятежи и даже крестовые походы – все это должно рассматриваться в контексте борьбы аристократии, очутившейся в условиях земельного голода, за средства существования. В результате аристократия приобретала новые земли в Англии, Южной Италии, Испании и в Северо-Восточной Европе. Не имевший земельных наделов сын короля Иоанн Безземельный своими действиями вызвал один из самых страшных кризисов, имевших тяжелые последствия. Безземельные сыновья мелкого дворянства были постоянным источником смут. Каждый, кому удалось получить их поддержку, имел возможность основать королевство, захватить новые территории. Вильгельм Завоеватель, одержав победу при Гастингсе в 1066 г., стал властителем Англии и владельцем всей земельной собственности в королевстве. Он провел межевание двух тысяч земельных

поместий, преобразовал их в 200 основных фьефов и наделил ими своих вассалов баронов. Они, в свою очередь, выделили из своих владений отдельные земельные наделы и раздали их уже своим вассалам.

Однажды получив землю, вассал был обязан заботиться о собственности сеньора, обеспечивать мир, безопасность и законность в пределах его домовладения. Выше всех по значимости стояло домовладение короля, к которому примыкали домовладения главных арендаторов и субарендаторов, большие и малые. Каждое владение было под защитой более крупного, которое обеспечивало его мирное существование. Аристократическая Европа была сообществом десятка тысяч небольших и нескольких сотен больших домовладений, которые ощущали себя под защитой «Дома Господня», дома Христа-Короля, но в то же время упорно отстаивали свои притязания и заключали союзы друг против друга. Великое противостояние двух домов – Австрии и Франции, которое определило судьбу Европы в XVI–XVIII вв. (и позволило Англии создать свою обширную колониальную империю), было последней судорогой старой Европы вместе с ее тысячами соперничающих домов, ее финальным аккордом.

Слабая монархия была совершенно неспособна предотвратить неподконтрольный процесс изменения статуса наследственных владений (как это было во Франции, Германии и Италии в IX–XI вв.); не могла противостоять своим могущественным вассалам, у которых было часто больше земли и больше войск, чем у короля-сюзерена. Пожалование общественных прав играло важную роль в империи, где основными «выгодоприобретателями» были епископы, а позднее консулы и *гонфалоньеры* городов Северной Италии. Это породило серьезный конфликт между папством и германскими императорами, но также способствовало превращению итальянских коммун в независимые города-государства.

В Англии Вильгельм Завоеватель сохранил местное англосаксонское судопроизводство: суды графств, городские и окружные суды. Они продолжали осуществлять правосудие в соответствии с английскими законами, за соблюдением которых следила не только аристократия, но и король. Королю удалось настоять на принятии единой для всех клятвы верности, которую вассалы давали непосредственно королю. Прецедент принесения подобной клятвы был во времена правления Каролингской династии, и она появляется вновь в нормандских королевствах Англии и Сицилии и становится опорой сильной королевской власти. Во Франции возник аналогичный институт вассалитета; присяга на верность королю как сеньору была важнее клятвы в верности каждого вассала своему непосредственному сеньору.

Но как часто случалось так, что один оммаж противоречил другому оммажу. Порой некоторые знатные вассалы присягали на верность одновременно двум королям, например французскому и английскому. Возникал вопрос, чью сторону они примут, когда два таких могущественных сеньора потребуют от них исполнения их феодальных обязанностей – военной помощи и совета в одно и то же время? Кроме того, были менее знатные сеньоры, особенно в империи, которые были держателями фьефов короля, епископов и монастырей. За кем они последуют, если король, епископ, папа и аббат будут в конфликте друг с другом? Тогда многим епископам пришлось бы принимать мучительные решения. Будучи князьями империи, они были вассалами своего сюзерена – короля и императора; в качестве князей церкви они были связаны клятвой своему сюзерену папе. Епископы Священной Римской империи столкнулись с этой проблемой в XI–XIII вв.; жертвой сложившегося положения стал Томас Бекет.

Феодальная аристократия была всегда готова к действию, выжидая только благоприятного случая, чтобы получить фьеф с помощью выгодной партии или захватить его силой. Обязательно появлялся какой-нибудь младший отпрыск некоего королевского дома или предприимчивый авантюрист, готовый набрать отряд таких же, как он, темных личностей, соблазнив их возможностью беспрепятственно овладеть богатым поместьем. Такое было возможно и на юге Франции, где еретикам-альбигойцам грозила скорая расправа, и в Испании и Португалии, находившихся под властью мусульман. И даже в Империи ромеев, где император постепенно

терял власть. При этом не надо также забывать, что существовала Святая земля, земля самого высочайшего сюзерена Царя-Христа, который обещал свое древнее право первородства своим вассалам.

В то же время появилась праздная придворная аристократия, окружавшая троны славных монархов Мадрида, Лондона и Вены, отличавшаяся утонченными манерами и кичившаяся своим богатством. И Версаль со своей Зеркальной галереей, великолепный дворец «короля-солнца» Людовика XIV, продолжает оставаться символом монархии, одержавшей победу над феодальной аристократией после пяти столетий противостояния и борьбы.

Бароны, которые творили историю в XII в., да и позднее, были людьми энергичными; и короли, которые проводили жизнь в седле, подобно Генриху II в Англии или императору Фридриху II, были яркими примерами людей подобного склада. Они походили на хищного ястреба, готового захватить добычу. Жизнь требовала от них постоянного напряжения сил, и в ней было все – распри, паломничества, пиры и охота. Хладнокровные и суровые, не отличавшиеся вежливостью, они не были лишены остроумия и умели вовремя отпустить шутку по адресу своих подчиненных, быстро находили нужный ответ; их застольные песни были полны боевого задора. Они могли быть жестокими даже по отношению к собственным женам, которых брали, только рассчитав прежде их ценность с точки зрения политической и хозяйственной выгоды. В их действиях прослеживался трезвый расчет. Скольких людей мог прокормить такой-то и такой-то фьеф? Насколько силен был тот или иной соперник? Какой неожиданности можно ожидать со стороны войска короля Франции или римского папы в случае того или иного конфликта? Воспитанные в правилах своего сословия, они были укоренены в культуре, которая почитала обычаи, освященные временем, в основе которых лежал чтимый всеми, священный и неприкосновенный закон. Они на деле были весьма сведущи в законах своего времени, зачастую довольно запутанных, ведь на каждой территории были свои собственные городские, таможенные и другие законы. Чем больше творилось беззакония, тем настоятельнее проявлялась необходимость следовать, по крайней мере формально, букве закона. Судебные разбирательства были вторым любимым занятием баронов после распри и войн. Для них решение спорных дел при помощи поединка или суда были двумя формами одного противостояния. «Бог и мое право»: пусть Господь разрешит спор в результате поединка или посредством «Божьего суда».

Занятия книжностью и делами благочестия были уделом младших сыновей и прочих дальних родственников, которые уходили в основанные ими монастыри. Каждый барон, имевший высокое положение или обладавший влиянием в церкви и государстве, мог добиться поставления своего родственника в епископы или аббаты или обеспечить ему доходное место в капитуле кафедрального собора.

Порывистые, импульсивные в делах и словах бароны, упорно отстаивавшие право на свой французский или английский фьеф на протяжении нескольких поколений своего рода, при всех тяготах своего беспокойного боевого существования, часто устраивали роскошные пиры и грандиозные празднества. Господские праздники и память святых, бывших «вассалами» в Божьем царствии Царя-Христа, часто совпадали с памятным днем основания какого-нибудь аристократического дома. Эти великие праздники церковного года, отмечавшиеся торжественной службой в Божьем Доме, когда могло происходить освящение нового храма, давали возможность сеньору собрать своих вассалов для совета с ними по поводу очередной распри с враждебным соседом, или совместного похода, или бракосочетания в собственном доме или в доме вассала.

В XII столетии, в пору своего наивысшего могущества, средневековые бароны, по-прежнему честолюбивые и деятельные, внезапно оказались перед лицом серьезного кризиса, внешнего и внутреннего. Набиравшие силу монархии Запада начали посягать на их свободу и власть. И это было еще не все; городские коммуны богатели, занимаясь торговлей и откры-

вая мануфактуры, производя товары повседневного спроса и предметы роскоши, и рано ввели денежное обращение; они все больше подчиняли себе аристократию в экономическом и финансовом отношении, в то время как аристократия все больше беднела. Мир Средиземноморья и Ближнего Востока с его древними легендами, который все больше открывался ей через участие в крестовых походах, озадачивал ее и сбивал с толку. Образованная придворная аристократия Византии и высокоцивилизованный мир ислама с глубоким презрением смотрели на рыцарей-франков Западной Европы. Оказавшиеся в незавидном положении бароны Запада приняли брошенный им вызов. Их ответом было широкое участие в еретических религиозных движениях и создание закрытых придворных аристократических обществ.

Как уже говорилось ранее, основным средством существования аристократии была земля; она жила за счет труда своих крестьян. В Англии во времена ее завоевания норманнами подавляющая часть крестьянства была до некоторой степени несвободна. Эту несвободу нельзя смешивать или отождествлять с рабством, будь то древним или современным. Несмотря на то что в Европе все же существовали рабы вплоть до XVII–XVIII вв. В основном это были славяне, захваченные в качестве военной добычи в Восточной Европе (считалось, что само их название *slave* говорило о том, что им суждено быть рабами) или попавшие в плен участники боевых действий в Восточном Средиземноморье. Английский *villein*, французский *vilain*, немецкий *holde* находились в зависимости от своего сеньора, выполняли повинности в его пользу и платили налоги. Виллан трудился на земле своего сеньора, а также отдавал ему часть доходов со своего собственного надела; он был обязан принимать участие в общих артельных работах на строительстве замков сеньора, дорог и мостов в его владениях. Каждый виллан обязывался молотить все свое зерно только на мельнице сеньора, за помол взималась определенная плата. Кроме ветряных мельниц (которые, возможно, впервые появились в Персии) были также водяные мельницы; к концу XI столетия их было в Англии свыше 5 тысяч. Самым тяжелым среди всех обязательств была уплата особой пошлыны – *taille*, налагаемой на вассала его сувереном. Это был произвольный налог, который взимался тогда, когда сеньор считал это «необходимым»; его платили как свободные, так и несвободные крестьяне. Однако они не были рабами; монархия и церковь гарантировали им защиту, главным образом потому, что оба общественных института стремились сохранить «старый добрый закон», который был собственно крестьянским законом, который защищал права крестьянина в манориальных судах. Однако эти суды перешли под контроль сеньора; он назначал или, во всяком случае, подтверждал полномочия провоста, или главного судьи, который зависел от сеньора или, в случае его отсутствия, от его представителя (стюарда или бейлифа).

Истоки несвободы крестьянина Средневековья были различны. В странах Средиземноморья она коренится в договоренностях поздней античности, когда крестьяне были прикреплены к земле государством, чтобы тем самым гарантировать уплату налогов. Для народа в подобной ситуации вторжение на его землю сарацин, норманнов, испанцев или франков означало только смену хозяина, а не изменение статуса. В Северной Германии раннего Средневековья свободные крестьяне часто переходили более или менее добровольно под покровительство сеньора. Каждый, кто ставил себя под его защиту, освобождался от военной службы; теперь эту его обязанность выполняли за него рыцари сеньора. Крестьянин взамен обязывался платить арендную плату за себя, свое семейство и свою земельную собственность. В качестве примера можно привести события, происходившие в Зальцбурге в VIII в., когда 237 небольших земельных наделов крестьян вошли в состав 50 больших поместий, из которых 21 принадлежало церкви, 12 – герцогам Баварии и 17 – другим большим сеньорам. Это отчуждение крестьянских земельных наделов и последующее их присоединение к крупным поместьям было одним из наиболее важных событий в социальной истории Европы.

Несвободные крестьяне Западной Европы тем не менее обладали некоторыми правами. Кроме той земли, которую сеньоры передавали им во временное владение, они могли также

иметь выделенное в их полную собственность земельное владение – аллод. Сеньор гарантировал крестьянам защиту и покровительство, они, в свою очередь, были обязаны ему повиноваться, выполнять необходимые повинности и платить налоги. Они выплачивали ежегодный подушный налог, который был свидетельством их личной прикрепленности к земле. Сеньор, оказавшись в трудных обстоятельствах, мог потребовать от крепостных, а также от тех, кто номинально был свободен, уплаты чрезвычайной пошлыны (*taille*). Особый налог взимался с крепостного, заключавшего брак на стороне, а также с прямых наследников крепостного в случае его смерти. Этот «долг смерти» состоял в передаче сеньору лучшей головы скота или, в некоторых областях, части имущества усопшего.

В Европе, за небольшим исключением, в XII в. уже не было полностью свободных крестьян. Те крестьяне, о которых говорили как о свободных, находились тем не менее в зависимости от покровительствующего им сеньора, как и все остальные. В нашем словаре нет необходимых слов, чтобы назвать основные отличия между различными группами и классами крестьянства, между «свободными», «полусвободными», «несвободными» и «зависимыми» крестьянами. Ситуация в действительности была еще более запутанной, поскольку в некоторых местностях «свободный» крестьянин мог находиться под еще большим гнетом и быть беднее, чем «несвободный» крестьянин, проживавший всего в нескольких милях от первого.

Однако, несмотря на общее усиление гнета и быстрое увеличение числа крепостных, в некоторых областях отдельные выходцы из крестьян смогли подняться по социальной лестнице. К XII–XIII вв. крестьянство становится фактором, с которым приходилось считаться королям и аристократии. Дело доходило вплоть до того, что обращались к их помощи, как это происходило во Франции, где крестьянские войска сражались на стороне короля против «баронов-разбойников», крупных феодалов.

Бароны и короли стремились увеличить свои доходы и занимались корчевкой леса и повышением плодородия земли, которая из-за недостаточного ухода становилась заболоченной или, наоборот, засушливой. Срочно потребовались крестьяне для этих работ, иначе говоря, для внутренней колонизации. И их оказалось достаточно много, так как превратности средневековой жизни – война, гнет хозяев и присущая самим крестьянам страсть к путешествиям *Wanderlust* — постоянно гнали их из дома. Те крестьяне, которые были приглашены в работники, стали известны как *hospites*. Они получали грамоту, в которой им обещали защиту от произвола сеньоров и избыточных налогов и право третейского суда. Многочисленные новые поселения (например, *villes neuves* в Северной Франции) возникли именно таким образом. Для привлечения большего числа поселенцев вербовщики на ярмарках громко зачитывали текст грамоты, подобно тому как это делали в XIX в. железнодорожные компании Северной Америки, которым были нужны пионеры для колонизации пустующих земель Запада.

В XII–XIII вв. Германия повернулась лицом к Востоку. Короли Польши, Богемии и Венгрии совместно с немецкими князьями колонизовали земли Бранденбурга, Пруссии, Восточной Пруссии и Прибалтики вплоть до Риги. Все они нуждались в рабочей силе, немецких крестьянах и привлекали их с помощью агентов, известных как *locatores*. Они рекрутировали крестьян, сопровождали их во время длительного путешествия и размечали для них земельные участки на новой территории.

Мир Средневековья, особенно «открытый» мир XII столетия, предоставлял новые возможности, по крайней мере, для части сельского населения на Востоке Европы, в Германии, Нидерландах, Северной Франции и Англии. Например, в XIII–XIV вв., менее чем за 150 лет, только в Силезии было основано больше чем 1200 новых деревень. Однако в XIII в. в сельском хозяйстве Западной Европы начинался застой и, соответственно, ухудшалось положение крестьянства. Европа уже начала превращаться в саму себя, укреплялись социальные и географические границы.

Все это неизбежно сказалось на крестьянах. Расчистка пустующих земель под пашню была прекращена. На деле некоторые сеньоры, стремившиеся получать наличные деньги, превращали пахотные земли в пастбища, скупая и экспроприируя крестьянские фермы. В Англии и Франции подобное развитие событий привело к конфликту между королем и баронами. В XIII–XIV вв. английские вилланы отстаивали свою свободу в королевских судах. Хозяева феодальных поместий менялись гораздо чаще, чем это можно было себе представить, – вследствие браков или смерти владельцев, продажи или конфискации их собственности. Когда собственность переходила к другому владельцу, крестьянин мог быть пораженным в своих правах. Манориальные суды, которые разбирали дела крестьян, не всегда сохраняли протоколы заседаний, так что было очень сложно для крестьянина, сеньор которого считал его вилланом, доказать свой свободный статус в суде. Начиная с XIII в. английские суды были завалены крестьянскими жалобами на добавочные отработки и платежи, которых требовали от крестьян старые и новые хозяева. Но в то же самое время некоторые крестьяне смогли улучшить свое материальное положение, и многие вилланы выкупили право на свободу у своих сеньоров. Иногда в этом деле им помогала церковь или, как во Франции, монарх; так как, строго следуя букве закона, несвободный крестьянин, не имевший собственности, не мог стать свободным. Постоянно растущая потребность сеньора в деньгах давала трудолюбивым и предприимчивым крестьянам прекрасную возможность разбогатеть. «Свободные» крестьяне, которые были под защитой короля, впоследствии слились с горожанами и стали «третьим сословием», которое посылало своих представителей непосредственно в Генеральные штаты, высшее совещательное учреждение сословного представительства страны. В Южной Франции, которая выбрала собственный путь развития, и потому процесс унификации с Севером шел в XIII в. довольно медленно, крестьяне и городские сообщества часто успешно выступали в совместной борьбе за то, чтобы их голос был услышан в делах политики.

Как правило, бароны не стремились заниматься хозяйством в своих поместьях и потому стали передавать земли крестьянам в аренду. В итоге аристократия, участвуя в военных походах или занимаясь интеллектуальной деятельностью, все больше и больше отдалялась от повседневных проблем своих крестьян. Однако в Англии бароны проявляли активный интерес к сельскому хозяйству, и в период между 1200 и 1340 гг. бурно развивались родовые баронские поместья. Небольшое, но очень важное руководство «О земледелии», написанное Уолтером из Хенли в последней четверти XIII в., где рассказывается об основах ведения сельского хозяйства в поместье, интересное письменное свидетельство этого времени. Сеньор был кровно заинтересован в повышении урожайности, заставлял крестьян много трудиться, чтобы выращивать продукцию не только для собственного потребления, но и поставлять на рынок. Что касается рискованного предприятия – производства шерсти, следует сказать, что английская аристократия первой поддержала это начинание. Земля у крестьян выкупалась или экспроприировалась, чтобы получить возможность разводить на ней овец. Мы видим, что между аристократами Англии и аристократами Франции существовал разительный контраст. Английская знать сохраняла и преумножала традиции коммерции; позднее ее вовлеченность в торговлю и индустрию связала ее с буржуазией, сделала ее более восприимчивой к быстро меняющейся общественной, политической и интеллектуальной среде.

В эпоху позднего Средневековья в Италии шло быстрое образование городов-государств, в которых жили аристократы, ассимилировавшиеся впоследствии с городской буржуазией. Здесь человек становился полноценным горожанином, а культура была отражением городской цивилизации. Крестьяне окрестных земель не участвовали в этих процессах. Их образ жизни мало чем отличался от жизни колоннов поздней Римской империи. Проживая в ветхих лачугах, на землях, принадлежавших сеньору, они не имели никакой собственности; своей была только одежда на них, в которой они и работали, и ходили дома, и даже ее мог потребовать себе сеньор

для своих целей. Наряду с ними были фермеры-арендаторы, крестьяне, платившие арендную плату и налоги, и бывшие свободными от синьора.

В Испании завоеватели, пришедшие с севера и отвоевавшие страну у арабов, смогли привлечь в качестве поселенцев некоторое число «свободных» крестьян. Эти поселенцы были христианами; они пришли на земли, уже населенные сельскими пролетариями, которых безжалостно эксплуатировали и которые жили в ужасающей нищете со времен поздней Римской империи. Пастушеское хозяйство, которое развивала аристократия, и безвластие, бывшее следствием слабости монархии в пяти христианских королевствах, вели к резкому понижению статуса свободных крестьян.

Это ограничение гражданина в правах в позднем Средневековье, при сохранении только какого-то их минимума, было также характерной чертой Германии и Восточной Европы. Когда монархия оказалась втянутой в борьбу с папством и вела войны в Италии (не говоря уже о самих немецких князьях), немецкая аристократия пыталась использовать все возможности, чтобы понизить статус «свободных» крестьян, обязанных выполнить в течение года ряд оговоренных заранее обязательств, до положения крепостных и обложить их новыми произвольными налогами. Фактически отмечалось понижение правового статуса и ухудшение экономического положения немецких крестьян в северо-восточных областях страны. Здесь еще прежде существовал социальный слой прусских и славянских крепостных, сформировавший базис зависимой крестьянской общины. Этот пояс крепостничества простирался через земли к востоку от Эльбы, через Богемию, Моравию, Польшу и Прибалтику, где власть принадлежала аристократам. Во всем этом регионе не существовало королевских судов, которые могли защитить крестьянина, аристократия обладала здесь всеми государственными правами, и ее поместья стали крупными аграрными предприятиями.

Начиная по крайней мере с X в. славян и других «язычников», захваченных в плен на войне, продавали как рабов христианские рыцари Запада. В XII в. Генрих Лев, герцог Саксонии и Баварии, продал пленных христиан-датчан в качестве рабов через посредство его славянских союзников, а маркграф Дипольд III фон Фобург продал плененных итальянцев своим наемникам. В XIII–XIV вв. рабов привозили в Италию через Венецию. Церковь, наследница классической античности, была далека от того, чтобы осудить рабство. Ее ведущие теологи XIII в., такие как Фома Аквинский, оправдывали рабство с моральной точки зрения и из экономических соображений, цитируя в поддержку своей точки зрения Аристотеля. С XIV в. папы обычно угрожали своим врагам рабством. В 1303 г. в таком духе высказался папа Бонифаций VIII в отношении Скьярра Колонна, представителя знатного итальянского рода. В 1309 г. папа Климент V наложил на Венецию интердикт и грозился продать ее подданных в рабство. Позднее бессмысленные обвинения в работорговле обрушились на Болонью и Флоренцию. Папа Павел III заклеил как рабов всех англичан, которые приняли сторону Генриха VIII. Им предстояло, по его словам, стать трофеем крестоносцев, которые придут и разгромят их.

Важно понять, что средневековый крестьянин жил в постоянном страхе попасть в кабалу, превратиться чуть ли не в раба в том или ином виде, явно или незаметно. Это и является одной из причин, почему именно в сельской местности случались мятежи и восстания. Со времен Каролингов крестьянские бунты были привычным явлением сельской жизни, так что монахи-хронисты не удостаивали их своим вниманием. Однако в конце XI начале XII столетия они стали столь серьезным общественным фактором, что их уже было невозможно игнорировать. Крестьянские отряды, связанные клятвой, создали политическую, ставшую впоследствии религиозной, подпольную организацию, в которой «еретические» секты и различные скрывавшиеся от правосудия элементы искали защиты и убежища. И подобное происходило задолго до того, как в рассматриваемый нами период образовалась крестьянская лига, которая образовала затем независимое государство Швейцарскую конфедерацию. В ее название также вошло определение *Eid-genossenschaft* — «конфедерация». Швейцария, внушавшая многим страх и

вызывавшая у многих уважение, медленно, но неуклонно шла к свободе. Она служит живым напоминанием о тех многочисленных союзах и лигах, рожденных крестьянским миром, которые удалось сокрушить светским и церковным князьям.

В начале XIII в. произошло восстание крестьян в Бременском княжестве-архиепископстве, которых называли *Stedingen* (по названию местности *Stedingen*, где они проживали). Восстание было подавлено после пяти лет сопротивления (1229–1234) только после того, как против крестьян было послано крестоносное войско под командованием герцога Брабантского и графов Голландии, Гельдерна, Липпе и Клеве, составлявших элиту Северо-Западной Европы. Церковь, которая провозгласила крестовый поход против этих еретиков, направила в архиепископство также представителей инквизиции.

В конце рассматриваемого нами периода произошли несколько широкомасштабных крестьянских войн. В 1358 г. во Франции началась Жакерия. В Англии восстание крестьян возглавили священники Джон Болл и Джек Стро, военным его руководителем стал Уот Тайлер. Восставшим удалось в 1380 г. на короткое время захватить Лондон и взять в плен короля Ричарда II. Между 1395 и 1479 гг. имели место крестьянские восстания в Испании, в частности в Каталонии. Во Фландрии и в Северной Германии мятежи вспыхивали на протяжении всего позднего Средневековья. Но даже в разгар решительной борьбы за обретение крестьянином своих законных прав и своего общественного статуса постоянное опасение потерять все никогда не оставляло крестьянина. Он страшился усиления гнета и наступления голода, возможности впасть в беспросветную нищету и оказаться бесправным против закона, быть согнанным со своей земли и навсегда оторванным от своих корней. Крестьяне Средневековья отличались таким же беспокойным нравом, как и их предки во время длительной эпохи Великого переселения народов, которое к тому времени еще не закончилось.

Русские крестьяне свою тягу к перемене мест утоляли в успешной колонизации Сибири, ставшей величайшим событием в мировой истории. И мы уже видели, как немецкие крестьяне в XII–XIII вв. переселялись на Восток, колонизируя новые земли. Средневековый крестьянин оставлял «свою» землю, когда угнетение со стороны его хозяина становилось, как ему казалось, невыносимым или когда враги хозяина настолько опустошали его землю, что она уже не могла прокормить его. Эпидемии, голод, неурожайные годы и другие природные катастрофы были еще одной причиной, сгонявшей людей с земли. К этому следует добавить наличие у крестьян древнего кочевого инстинкта, сохранившегося с доисторических времен и который в Средние века находил выход в паломничествах. Множество крестьян из континентальной Европы, Англии и Скандинавии отправлялись в паломничества в Святую землю, в Рим, в Сантьяго-де-Компостела. Подобно тому как много позднее русские крестьяне-паломники шли в Казань, Киев и Новгород. Некий крестьянин из Верхней Баварии три раза был паломником в Риме, дважды – в Иерусалиме и один раз – в Сантьяго-де-Компостела. Это является убедительным доказательством сохраняющейся мобильности и консерватизма крестьянской жизни!

Этот консерватизм крестьянской жизни представляет собой как бы повторяющуюся тему в яркой по содержанию партитуре европейской истории за последнюю тысячу лет. Заметим, что результаты археологических раскопок, проводившихся в основном во Франции, показали, что во многих областях Европы крестьянская цивилизация насчитывает от 10 тысяч до 20 тысяч лет, фактически восходит к позднему каменному веку. Представители этой крестьянской цивилизации использовали характерные орудия труда – плуги и бороны. У них был календарь, где были отмечены основные праздники, который регулировал отношения между живыми и умершими, старыми и молодыми, мужчинами и женщинами, связывая в единое гармоничное целое «технологию» и «магическое», рабочие и праздничные дни. Эта крестьянская цивилизация просуществовала в Европе до прихода машинного производства в середине XIX в. и сохранялась в наиболее отдаленных и отсталых областях континента вплоть до Первой, а отчасти и до Второй мировой войны. Крестьяне, консервативные в образе жизни и мыш-

ления, твердо стоявшие на земле, были стабилизирующим фактором. Сама земля была чем-то постоянным и неизменным; она сохранилась, пройдя через бури войн и революций, через духовные и интеллектуальные кризисы. Крестьянство было привязано к земле, и она была его кормилицей.

Проводившиеся исследования человеческих скелетов Средневековья показали, что на протяжении всего этого времени крестьяне хронически недоедали, а среди их детей была высокая смертность. Людям, которые выращивали для всех продукты питания и разводили скот, зачастую не хватало хлеба и молока для самих себя и своих детей. Земледельцы были привычны к тому, что с завидным постоянством повторялся один и тот же жизненный цикл: голод приходил на смену изобилию и время поста – на смену праздникам.

Европейский крестьянин стал творцом своеобразной крестьянской культуры, в основе которой лежал тяжелый труд на земле. Именно она помогла ему пройти через длительную и важную для Европы эпоху образования новых сельских поселений в VI–XIII вв. и одомашнивания европейского ландшафта. Кроме того, в XII–XIII вв. наблюдался небольшой прирост населения, в основном крестьянского (городское население начало расти где-то в XII в., но не за счет жителей из сельской местности). Внешняя экспансия Европы и расцвет духовной и интеллектуальной жизни стали возможны благодаря этим достижениям. У крестьян было развито чувство собственного достоинства, которое было результатом их тяжелого труда на неплодородной земле, когда над ним стоял его суровый господин и суровый Бог. Чувством гордости пронизана поэма Уильяма Ленгленда «Видение о Петре-пахаре», написанная в XIV в. Поэт, явно образованный человек, на которого оказал влияние духовный настрой францисканцев, говорит о своем видении крестьянства, «бедного народа». Петр-пахарь – защитник всех тех, благодаря труду которых на земле и держится мир, благодаря пахарю, естественному человеку, то есть созданному природой. Но Петр есть также Сын человеческий, сын Христов, кровь которого удобряет «людское поле». Поле, которое он вспахивает, чтобы приняло оно новое семя, из которого произойдет новое поколение людей. И наконец, он выступает за церковь, оплодотворенную Духом Святым, прообраз единого братства будущего. Христос, истинный хозяин, собирает урожай человечества в единой обители: «И назвал он это Домом Единства, что значит Святая Церковь». В этом Доме все люди братья, кровные братья Христа.

Но можно ли в действительности сказать, что церковь, «Дом Единства», открыта для всех, гарантирует ли она на самом деле всем людям любого звания защиту, убежище, справедливость, безопасность и мир? Ответ может быть неоднозначным. Участниками торжественных церемоний, которые сопровождали освящение величественных романских и раннеготических соборов XII в., были короли, аристократы, епископы и церковные сановники и народные массы. Вместе они слушали гимны и молитвы, восхвалявшие новый Дом Божий, как образ Небесного Града, Нового Иерусалима. Однако всего несколько десятилетий спустя в самом начале XIII в. Иннокентию III, величайшему из средневековых пап, предстало трагическое видение Церковного Дома, от которого остались одни руины. Хранители церкви с тревогой смотрели на широко распространяющуюся апостасию (вероотступничество), как среди аристократов, так и крестьян в большей части Юго-Западной и Центральной Европы, которые отказывались принять в качестве прибежища церковь и признать в ней земное воплощение Дома Божьего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.